

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Бешеная

По среднестатистическим данным, свыше трети всех тяжких преступлений совершаются людьми психически нездоровыми. А это в первую очередь означает то, что для их расследования сотрудникам правоохранительных органов требуется иметь не нервы, а стальные канаты. Впрочем, судите сами...

Никому в мире, к сожалению, до сих пор не ясно, откуда у людей вообще появляется эта треклятая шизофрения. То ли ею заражаются, как гриппом, то ли она возникает при неудачной черепно-мозговой травме, то ли передается по наследству.

До десятого класса Ирина была хоть и шаловливой девочкой, но не доставляла родителям много хлопот. В десятом все изменилось. Ира, признанная первая красавица класса, стала злобной, и раздражительной, и в то же время потеряла интерес к школьным занятиям. К ней приклеилась кличка «бешеная» за то, что она из-за любого пустяка могла закатить истерику, а то и драку. Учителя жаловались на нее родителям, а те считали, что принимают адекватные воспитательные меры.

Ее родители придерживались строгих правил и твердо верили в выгоды сурового воспитания, в результате чего Светлана частенько оказывалась на маминых коленях с задранной юбкой и обнаженной попой. За легкий проступок девушка получала порцию крепких шлепков, лежа на коленях от мамы или папы. Просьбы и мольбы во внимание не принимались. За более серьезные проступки папа доставал из шкафа ремень.

Вместо того, чтобы показать девочку врачу и выяснить причины такого поведения, мама без особых церемоний укладывала ее на колени, а отец заставлял лечь животом на кровать и подкладывал под попу диванную подушку. Для порки отец пользовался узким или широким ремнем, в зависимости от серьезности преступления. Правда, проку от такого воспитания было немного... не проходило и недели, чтобы дневник не украсило очередное замечание.

Сдав еле-еле на тройки школьные экзамены за десятый класс, Ира поехала поправлять здоровье. За прошедший год в деревне все изменилось. Заброшенную много лет назад ферму купил какой-то предприниматель и в деревне появился уже забытый запах навоза. От парного молока или от еще чего другого она похорошела, повеселела и округлилась.

В первый же вечер Ира увидела, как в деревню приехали москвичи на джипе...

— Девки, кто хочет трахаться-лезьте!

В машину набилось столько желающих, что дверь не могли захлопнуть. Мужики быстро увезли девушек в ночь.

Деревенские парни сразу стали посматривать на девушку из города с нескрываемым мужским интересом. Не раз она слышала предложения типа... «Что нам, кабанам, пое... — в лесу не надо нагибаться», «Как курочка понесла, отряхнулась и пошла», «Надухариться, напиться — и к девкам подрядиться!» Она считала выше своего достоинства даже огрызаться на глупые шуточки.

Летним вечером Ира вместе с лучшей подругой Катей, собрались на местную дискотеку. В одиннадцать вечера деревня уже спит, только светятся только окна клуба, да сонную тишину режет... «На белом-белом покрывале января! Любимой девушки я имя написал...» и «Белая роза — в объятьях мороза...»

— Девушка, у тебя такой носик, — услышала Ира за своей спиной пьяный голос, — картину

надо писать. Да я твоей бабке за тебя двух коров отдам, жену и детей своих...

— Мутный, не втирай много, лучше сразу в койку! — Чьи-то руки, как бы случайно, ухватили Иру сзади.

Они вывернулась и пошла вон из прокуренного помещения. Вслед за ней вышла глубоко беременная девушка с высоко задраным животом. Будущая мама обернулась показала всем «фак» и ускорила шаг.

Спать еще не хотелось, и подружки решились прогуляться перед сном. Девушки шли по дороге, наслаждаясь вечерней прохладой, и беседовали. Сплевывая после дешевых сигарет, появилась стайка местных девиц. Все как одна с шестимесячной завивкой, с красным облупленным лаком на грязных ногтях и в черных юбках по коленку, с кокетливым разрезом сзади.

— У вас, наверное, в Москве такого и не бывает. Вчерась Людке «скорую» вызывали... приступ аппендицита. А у нее вместо аппендицита мальчик родился. Мать в шоке, кинулась к ее ухажеру. Вроде согласился замуж взять.

— А что, вы не предохраняетесь?

— А зачем? Это только у вас в городе бывают всякие СПИДы и гонореи, а аборт — все равно, что насморк вылечить.

Разумеется, разговор зашел и о мальчиках.

— У нас во всей округе, — рассказывала подружка, — занимаются здесь двумя вещами... пьют и совокупаются. Сосед — с соседкой, учительница — с учеником, и даже мать — с сыном. Здесь это норма!

Как правило, родители не таятся от детей, да и наблюдать за домашними животными приходится часто... Однако наши деревенские секс-гиганты не блещут разнообразием. Поцеловать в губы, помять грудь (изредка — живот), возвратно-поступательные движения и... собственно говоря, все!

Когда Ира рассказала, чем занимаются ее одноклассницы, чтобы сохранить девственность, Катя возмутилась...

— У нас можно смело вывешивать плакаты... «Нет оральному сексу!» Или... «Наши бабы минетов не делают!»

— Чтобы я когда-нибудь взяла в рот?! Нет, это грязно! И вообще, Бог дал женщинам одно место, в которое можно принять мужчину. О других в Библии не говорится. Остальное — грех!

— А что, родители вам разрешают?

— А кто их спрашивает, правда за б-ство попадает по первое число! Это у вас в городе гуманизм, а у нас чуть что, так на скамейку и прутьями по ж... Вон, смотри, сколько срезано веток у кустов по берегам реки! Это не для корзинок!

Ира честно рассказала, про ремень и строгих родителей и что она еще девочка, чем весьма развеселила подружку.

— Это дело поправимое! — Весело сказала она.

Было уже довольно поздно и скучно, и они уже собрались разойтись по домам, как вдруг услышали грохот и из-за поворота выехало трое мотоциклистов.

Ира испугалась, решив, что это бандиты, и уже собиралась хватать подругу за руку и бежать. Но Катя сказала...

— Не бойся, это местные из соседнего поселка, мои друзья.

Ира познакомилась с ними, они постояли, поболтали.

— Хочешь, покажем тебе «Третий верх»?

— Нет, не хочу! — ответила Ира.

Подружка успела рассказать, что это милое местечко находится в тридцати километрах от деревни. Возят туда, как правило, приезжих и неопытных. Предлагают «дашь на дашь»... либо ты занимаешься сексом и тебя отвозят домой, либо добирайся как хочешь.

— Ну не хочешь, поедем ползунику собирать или на хутор теляток смотреть?

Ира не знала, что местном сленге это означало приглашение к сексу, но почував недоброе, отказалась, и уже собралась уходить. Подруга ее успокоила, сказав, что этих ребят нечего бояться, что это не столица, здесь все друг друга знают и уважают.

— Да, поедем, говорила Катя, ты же никогда не видела телят!

— Еще бы, — обиделась Ира, не зная второго смысла этих слов, — сколько лет ваша ферма стояла заброшенной, а не всю деревню и трех коров не наберется!

Ире стало немного стыдно за свой страх, ей не хотелось выглядеть трусихой в глазах подруги и она решила составить парням компанию.

До фермы ее довез Юра. Это довольно симпатичный усатый парень, лет двадцати, я сразу обратила на него внимание, и села к нему на заднее сидение. Он был невысок, но хорошо сложен, видимо, занимался спортом.

Ребята весело подшучивали надо ней, так как Катя сказала, что Ира никогда не видела живых молоденьких телят, что на местном языке означало... девственница.

Когда все слезли с мотоциклов, Юра спросил...

— Ира, ты, правда, никогда не видела маленьких телят?

— Да!

И они пошли на них смотреть. Когда парочка вошла в то помещение, никаких телят там не было. Это был ангар с сеном. Ира поняла, что дело пахнет «керосином» и уже собралась убежать, как он, схватив ее одной рукой за пояс, другой, зажав рот, потащил на сено. Повалив девушку на спину, Юра сел верхом и стал срывать с нее одежду.

— Это для твоего же блага! — он несколько раз ударил ее по щекам и сказал, — если не заткнешься, позову ребят, а они тебя враз успокоят.

Сорвав блузку и лифчик, он ремнем связал за спиной руки. Блузку скрутил жгутом и засунул ей в рот, чтобы не орала. Потом он снял с Иры оставшуюся одежду и разделся сам. Девушке стало холодно и очень стыдно... она впервые увидела голого мужчину.

Ира лежала и плакала, думала только об одном... «Черт с ней, с девственностью, пускай делает со мной все, что хочет, лишь бы только не убил».

Пока Юра развлекался с Ирой, Катя с приятелями развела костер. Из сумки появилась бутылка портвейна, которая пошла по кругу. Пили за здоровье Иры, курили, и прислушивались к звукам из сарая.

— Сейчас он покажет этой столичной штучке, где телятки зимуют, весело сказала Катя, — Юрка человек с опытом. Борозды не попортит. По себе знаю! А, может быть, Ирка угостит его городским удовольствием. Они там все сосут ловко!

— А зачем? Он и без этого обойдется. Я могу и руками так возбудить, что ей ничего больше и не захочется. Если мне городская захочет у меня отсосать, я ей это позволю, но утром разговаривать с ней не стану. Только проститутки могут этим заниматься!

Ребята стали обсуждать, кто из них попробует городскую назавтра. — Наверно она ничего, вкусная, только вот немного костлявая! — весело шутили они.

Парни стали обсуждать, а почему бы завтра не перенести на сегодня, тем более что сегодня уже наступило. Портвейн подогревал их фантазии, и разговор становился все более неприличным.

Если бы они знали, что происходит там, в сарае...

... Когда у Иры прошла истерика, Юра лег на нее, начал целовать сначала лицо, потом шею, потом начал тискать и покусывать груди. Потом, еще немного погладив, он схватил ее длинные волосы и накрутил на свою руку, выгнув девичью голову назад. Он сказал, что если Ира не раздвинет широко ноги, он сделает очень-очень больно. Ира послушалась и выполнила то, что он сказал. Потом почувствовала что-то горячее и твердое между своих ног, и в следующий миг замычала как теленок скорее от страха, чем от боли. Она почувствовала, что между ног что-то разорвалось.

Когда Юра понял, что порвал целку, стал двигаться нежнее, посыпая ее поцелуями. Он него пахло табаком и дешевым вином. Вдруг Ира почувствовала какое-то странное тепло внизу живота, у нее начало покапывать внизу, начали подергиваться коленки, и стало очень приятно.

От страшной догадки у нее похолодело внутри, снова началась истерика. Когда Юра это заметил, резко пригнулся и укусил жертву за мочку уха, от этого, против своей воли, Ира возбудилась еще сильнее. Связанная, обрванная, Ира не могла больше сопротивляться и расслабилась.

Он увидел, как ей хорошо, задвигался быстрее и начал постанывать. Кончили они почти одновременно. В тот момент Ира ненавидела себя. Юра поднялся, все еще голый, сел рядом и сказал...

— Сейчас я развяжу тебе рот. Только без фокусов. Неподалеку сидят двое ребят и твоя подруга. Если я сейчас свистну, представляешь, что они с вами сделают? Если ты поняла меня, то кивни!

Ира, конечно, кивнула, да и что ей оставалось делать. Он развязал ее, лег рядом.

— Я не буду больше сопротивляться, развяжи мне руки! — попросила Ира.

Он согласился и освободил ее.

— Ты не дашь мне сигарету?

— Ты что, дура? На сене курить нельзя... пожар будет!

Ире почему-то мысль о пожаре очень понравилась.

Юра крепко обнял девушку, так как от шока, от всего пережитого ее сильно трясло. Потом он снова повалил на сено, начал ласкать и овладел ею еще раз. Пока он пыхтел над телом, Ира увидела вилы, воткнутые в сено. В этот момент девушка ненавидела себя за то, что ей хорошо, его за то, что он сделал. Ира вдруг увидела их как бы со стороны и в этот момент поняла, что навеки опозорена и обесчещена. Завтра вся деревня узнает о его победе.

Когда он кончил, то несколько минут лежал неподвижно.

Ира стала одеваться.

— Собирайся, а завтра я заеду за тобой! — он сел, стал натягивать брюки.

Пока он путался со штанинами, Ира схватила вилы, и изо всех сил ткнула парня в грудь. Зубья с хрустом провалились. Он упал и дернулся. Ира навалилась на рукоятку, зубья полностью вошли в тело. Взгляд насильника стал стекленеть, изо рта пошла кровь. Он дернулся как червяк на крючке и умер. В этот момент Ира опять испытала наслаждение,

более сильное, чем от секса.

Ей захотелось человеческой крови. Ира встала на колени и стала слизывать ее с его губ. Она была соленой и очень вкусной...

Ребятам тоже захотелось развеселиться. Так и не поделив, кому достанется Катя, они решили сыграть на нее в карты. Захмелевшая Катя была совсем не против, и она вскоре оказалась в объятиях победителя.

Он повернул Катю на живот и поставил на четвереньки. Девушка замерла, не дыша, не в силах думать и говорить. Катя выпрямила руки и почувствовала, как сильные ладони нежно сжали ее набухшие соски. Любовник начал ритмично двигаться. Вскоре сдавленный стон сорвался с ее губ, когда судорога неповторимого наслаждения заставила замереть их обнаженные тела.

Женя, единственный парень, оставшийся не у дел, решил не мешать парочке и посмотреть, что делает Юра с Ирой на сене, а при случае и продолжить обучение городской недотроги искусству сельской любви. То, что он увидел, привело его в ужас. На залитом кровью сене лежал Юра. Долго смотреть ему не пришлось... сзади в шею воткнулись вилы.

Тем временем обессилевшая Катя упала на живот, и вздрагивала от крепких объятий своего кавалера, который продолжал с усердием работать. Наконец, она почувствовала, как он наполняет ее своим мужским семенем, и находилась на вершине блаженства. Краем глаза она увидела подружку, всю в крови, выходящую из телятника.

Она закричала от ужаса. В руках у Иры были вилы, с концов которых капала свежая кровь. — Сейчас твой черед! Предательница! — заорала Ира и подняла свое страшное оружие. Катя сбросила с себя кавалера, а тот не успел понять, что происходит, замешкался и получил страшный удар в живот. Катя, как была голышом, бросилась бежать, а Ира, выдернув вилы из еще вздрагивающего тела, ткнула ими еще раз.

Подругу она преследовать не стала. Взяв из костра горящую головню, она вернулась в ангар, и бросила ее на сухое сено.

Телятник загорелся так быстро, что она едва успела выскочить.

— Что я наделала! — говорила она, присев на остывающее тело Катиного любовника, и как замороженная смотрела на разгорающееся пламя...

Смотреть на пожар сбежалось полдеревни... как всегда пожарный гидрант не работал, а носить воду ведрами — пустое дело.

Но страшнее чем пожар было зрелище городской полуодетой девочки с вилами в руках. В ее безумных глазах светилось пламя. Сельчане долго не могли решиться подойти к ней близко.

Участковый милиционер, по служебному долгу первым приехавший на пожар, понял, что сейчас на карту поставлен весь его авторитет.

Он медленно подошел к девушке и попросил...

— Дай сюда вилы!

Ира выполнила приказ и даже не пыталась сопротивляться, когда ей вязали руки.

— Слушай мент, отдай ее нам! — кричали в толпе — Мы из нее котлету сделаем! Она же их всех порешила!

Милиционер спас ее от самосуда, правда, пришлось выстрелить в воздух, чтобы успокоить разбушевавшуюся толпу.

Во время психиатрической экспертизы Ира не проявила интереса к обследованию. О совершенных убийствах рассказывала без всякого волнения и беспокойства. В камере много времени проводила на нарах. В ответ на замечания становилась грубой, циничной агрессивной. При беседе с судебным врачом она говорила, что ей тяжело находиться с преступницами в одной камере, хотя она понимает, что ничем не отличается от них. Заключение психиатрической экспертизы... неменяема. Суд приговорил Иру к принудительному лечению от шизофрении в колонии для душевнобольных.